

Драко окончательно и полностью оправился на третий день после пробуждения.

Ранним утром утренний свет пробивался сквозь оконный переплет, и Снегг в своем неизменном черном мантии-балахоне вошел в спальню. На этот раз полы его одеяния были намного чище, чем в предыдущие дни — судя по всему, после пробуждения Драко у него наконец появилось время переодеться в новое.

Он ничего не сказал, лишь подошел к постели и приставил кончик волшебной палочки ко лбу Драко, тихо пробормотав длинное и тяжелое заклинание-настройку, какого Луциус с Нарциссой прежде никогда не слышали.

Когда заклинание смолкло, тело Драко озарилось мягким сиянием, словно под кожей потекла тончайшая, едва теплая речушка, устремившаяся от сердца ко всем конечностям. Она разлилась по пальцам рук, щиколоткам и кончикам волос, смывая последнюю капелью затаившегося холода.

Драко лениво зевенул.

Снегг опустил руку, пряча волшебную палочку в рукав, и внимательно оглядел бледное личико мальчика, на котором еще виднелись следы от подушки. Помолчав пару секунд, он произнес с едва уловимой расслабленностью в голосе:

— Магические пути полностью проходимы. Тебе повезло, никаких последствий и остаточных засоров не осталось, на твое будущее магическое развитие это не повлияет.

Драко, плотно закутавшись в одеяло, сидел на кровати, его светлые волосы растрепались и торчали в разные стороны. Он задрал голову, глядя на Снегга:

— Крестный, ты ведь все эти дни совсем не отдыхал, да?

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

Выражение лица Снегга не изменилось ни на йоту. Он сверху вниз посмотрел на Драко, а его голос прозвучал ровно, словно выглаженный лист бумаги:

— Ничего подобного.

— Но когда я спал... — Драко изо всех сил пытался вспомнить, — мне казалось... будто ты приходил ко мне очень много раз...

Снегг прервал его, вернув своему тону привычную прохладу:

— Не забивай голову пустяками. Тебе нужно восполнить запасы жидкости и выспаться.

Драко поджал губы, чувствуя себя заговоренным и не зная, что ответить, поэтому ему оставалось лишь перевести умоляющий взгляд на Нарциссу.

Нарцисса стояла у окна с чашкой только что заваренного горячего чая в руках. Увидев, как ее сына мастерски заткнули за пояс, она тихонько фыркнула, отвернувшись в сторону, и сделала вид, будто любуется пейзажем за окном.

Луциус сидел на низком табурете в ногах кровати и, наблюдая за этой сценой, чувствовал, как уголки его губ сами собой поднимаются в мягкой улыбке.

Снегг тем временем дал еще несколько наставлений касательно периода восстановления: в течение недели никаких активных нагрузок, не лазать по деревьям, не садиться на метлу и не пытаться колдовать с помощью магии.

Когда он все это перечислял, он был точь-в-точь как на своих лекциях по зельеварению, когда отчитывал учеников, разве что в самом конце добавил:

— Если почувствуешь хоть малейшее недомогание или странность, немедленно сообщи мне.

Последние слова предназначались Луциусу, и тот с пониманием кивнул.

Закончив указания, Драко тут же, не сдержавшись, бросился обнимать Снегга:

— Крестный, спасибо тебе!

Снегг легко похлопал мальчика по спине, и его напряженное лицо наконец смягчилось наполовину:

— Главное, что с тобой все в порядке.

Когда Снегг вышел из комнаты, в спальне остались только трое членов семьи Малфой.

Драко сидел на постели, потирая пустой живот, и потребовал сладостей:

— Мам, я снова проголодался.

Нарцисса наконец громко рассмеялась, опустила чашку на столик и подошла к кровати. Наклонившись, она запустила пальцы в его светлые волосы:

— И чего же пожелает наш Драко?

Драко склонил голову набок, припоминая:

— Те самые маленькие блестящие розовые квадратики, которые папа принес из Сладкого Королевства.

— Розовые кокосовые пирожные.

— Точно! И еще хочу рулет с сыром и драконьей начинкой.

— Хорошо, мама сейчас же все приготовит для нашего Драко, — Нарцисса выпрямилась, но у самой двери замедлила шаг и тихо попросила:

— Люк, посиди с ним немного.

Дверь закрылась, и в комнате остались лишь мягкое весеннее солнце и тихие отец с сыном.

Драко уперся ладонями в одеяло и произнес:

— Пап, мне кажется, мне приснился очень длинный сон.

Луциус повернулся к нему всем корпусом, придвинув низкий табурет ближе к краю кровати:

— И что же тебе приснилось?

Драко нахмурился, пытаясь как следует сосредоточиться:

— Точно не помню... Помню только, что вокруг было темно, будто я шел по очень длинному тоннелю. Идти не получалось, ноги казались свинцовыми, но потом чей-то голос позвал меня.

Он скосил глаза на Луциуса, и в его взгляде читалось детское любопытство:

— Это был ты, пап?

Луциус на мгновение замер. Он вспомнил тот голос — незадолго до того, как тьма треснула, он поднялся из глубин его собственного сознания, нахлынув вместе с приливом воспоминаний, наполненный ароматом белых роз и теплом камина.

— Я, — тихо ответил Луциус.

Драко кивнул, словно получив какое-то подтверждение, а затем спросил снова:

— А то, что ты обещал сводить меня к Гарри Поттеру — это правда?

— Правда. Профессор Снегг сказал, что ты полностью поправился и можешь выходить на улицу, так что сразу и отправимся, — ответил Луциус.

Драко недовольно скривился:

— И сколько мне еще ждать?

— Неделью. Если будешь хорошо есть и отдыхать, возможно, получится даже быстрее.

Драко такой ответ не слишком обрадовал — неделя казалась невероятно долгим сроком. Хотя он и расстроился, но спорить не стал и послушно согласился:

— Тогда я хочу выйти во двор. Я так долго проспал, что мои кости, кажется, совсем задеревенели.

Луциус поднялся на ноги, взял с высоковатой спинки стула плотное пальто, накинул его на плечи Драко и помог ему спуститься с постели.

Драко поплотнее запахнул воротник плаща, поднял на отца глаза и крепко взял папу за руку.

— Пойдем, — сказал Луциус.

Они вышли из спальни, миновали длинный коридор. Поначалу ноги Драко казались слабыми, и после каждых нескольких шагов он инстинктивно придерживался рукой за стену.

Так, не спеша, они шли из дома наружу и наконец толкнули стеклянную дверь, ведущую в сад.

Навстречу пахло весенним ветром, который, смягченный чарами поместья, принес с собой ароматы влажной земли и терпковатый запах еще нераскрывшихся почек ранней сакуры.

Луциус остановился вместе с Драко под навесом крыльца и глубоко вдохнул. Когда воздух заполнил легкие, напряжение последних дней заметно отпустило, ослабнув по крайней мере на дюйм.

«Все-таки вкус свободы — прекрасная вещь», — подумал он.

Трава в саду уже позеленела. В марте Малфой-менор не блистал летним буйством красок, но зато был увит мягкой зеленью просыпающейся весны.

Заметив их появление, белая павлинья птица слетела с каменного парапета на газон, грациозной поступью приблизилась к Драко и, склонив голову набок, уставилась на него.

Драко присел на корточки и легонько потрепал ее хохолок.

— Бельш все еще помнит меня, — тихо произнес Драко.

Луциус стоял в шаге позади него, наблюдая за тем, как сын возится на траве с павлином. Вдруг он вспомнил, что в прошлой жизни в это же самое время Драко было ровно столько же лет. Но чем тогда занимался он сам?

Луциус напряг память. В те дни он был занят в кабинете поместья, судорожно связываясь со старыми приспешниками чистой крови, пытаясь придумать, как снова поднять и укрепить влияние Волан-де-Морта.

А Драко в это время бегал за павлинами во дворе, Нарцисса предостерегала его из окна быть осторожнее, и хотя Луциус слышал все это из своего кабинета, он даже не соизволил поднять голову.

Тогда ему казалось, что все это — пустяки. Ребенок вырастет сам, жена сама обо всем позаботится, а его дело — вершить «великие дела».

Теперь же, стоя здесь и глядя, как его собственный сын на коленях возится с перьями белого павлина, он вдруг отчетливо понял: ни одно из тех «великих дел» из прошлой жизни не стоило и мизинца этой простой картины.

— Пап, — не поворачивая головы, позвал Драко, — она стала толще, чем раньше.

— Ты прав, Рейч откармливает ее на убой. (Рейч — один из домашних эльфов Малфой-менора).

— Рейч вечно тайком подсовывает ей добавку.

Луциус задумался:

— Если Рейч и птица счастливы, пусть так и будет.

Драко бросил на отца короткий взгляд. В его серо-голубых глазах читались недоумение и растерянность — очевидно, тон, которым папа говорил сегодня, казался ему странным, хотя он никак не мог сообразить, в чем именно дело.

Посмотрев на Луциуса еще пару секунд, мальчик поднялся, отряхнул с коленей прилипшие травинки и направился в сторону старого дуба — именно с него он несколько дней назад сорвался по неосторожности.

— Я упал как раз оттуда, — сказал он.

Луциус подошел ближе и тоже поднял взгляд на сломанную ветвь в кроне дерева:

— Я помню.

<http://bllate.org/book/21194/2145672>